

После аварии (оторвалось колесо) по дороге в прянично-русское «Поленово», после больницы, когда всполошилась вся орловская медицинская рать, узнав: незаменимая добытчица федеральных трэншей из облздрави повредила позвоночник, Татьяна Геннадьевна Тарасова оказалась одна на даче, почти полгода восстанавливаясь и наконец-то чувствуя долгожданную свободу. Всю сознательную жизнь она трудилась «аки пчёлка».

В медицинский институт в него-степриимном Ростове-на-Дону поступила не сразу, но назад к родителям не поехала, а два года старательно работала санитаркой в городской больнице. Студенткой вышла замуж за сокурсника и родила ребёнка. Пелёнки, учёба, подработка — семья выходцев из Западной Украины от-

неслась к «москальке» с претензиями, а супруг слишком слушал маму. Пришлось жить отдельно. Неустройство, неприязнь новых родственников, обидное охлаждение мужа — приехал навестить родной отец и забрал измотанную Таню с маленьким сыном «от греха» домой, в Орёл.

В Орле никто не ждал с распростёртыми объятьями: детский врач-педиатр вынуждена начать карьеру в «Скорой помощи». Это сейчас, по замысловатым российским и западным сериалам, народ смекает о полном интеллектуальных и моральных страстей быте медиков неотложки. А Татьяна извела все прелести бесконечно тянущихся ночных смен, ложных вызовов, блужданий по тёмным подъездам провинциального города 90-х годов с риском наткнуться вместо большого

ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА ТАРАСОВА родилась 20.12.1966 г. в Орле. С 1986 по 1992 г. обучалась в Ростовском ордена Дружбы народов медицинском институте. После окончания интернатуры вернулась в родной город врачом-педиатром выездной бригады скорой медицинской помощи, затем — врач аллерголог-иммунолог в детской поликлинике, на скорой помощи продолжала трудиться по ночам и в выходные ещё 13 лет. Заочно закончила аспирантуру в Научном центре здоровья детей РАМН и в 1999 г. защитила кандидатскую диссертацию. С 2006 по 2017 г. — на государственной службе. Писать картины начала с ноября 2013 г. С 2017 по август 2020 г. работала заведующей поликлиническим отделением Бюджетного учреждения здравоохранения Орловской области «НКМЦ им. З. И. Круглой» и вела приём как аллерголог-иммунолог. С августа 2020 г. и до настоящего времени — главный врач Казённого учреждения здравоохранения «Специализированный дом ребёнка»..

на бандита или отмороженного наркомана. Но «скорая помощь» дала нужную каждому врачу разностороннюю практику, уверенность в своих силах, уважение коллег, беззаветных друзей и подруг на всю жизнь.

Судьба не баловала и потом, но Татьяна «встала на крыло». Ближе к миллениуму она — популярный у мамаш и их недужных деток аллерголог-иммунолог в поликлинике. Но и тут не успокоилась — решила проторить новую стезю и заочно поступила в аспирантуру Научного Центра Здоровья детей РАМН. На вопросы родных и близких: «Зачем тебе это?», Татьяна отвечала: «Мне стало интересно!» Ответственная и любознательная аспирантка обратила на себя внимание. После успешной защиты диссертации, посвящённой исследованиям традиционного лечения бронхиальной астмы у детей на стыке с сокровенными знаниями тибетской медицины, профессор Иван Иванович Балаболкин, ведущий специалист в детской аллергологии, член-корреспондент, предложил ей переехать в Москву и посвятить себя науке. Да, Татьяна могла использовать эту счастливую возможность. Командировки на научные конференции в Италию, Германию, позволили ей не только расширить кругозор, увидеть, как организовано здравоохранение в других странах. Незаметно красоты Рима, Кёльна, Берлина проникли в сознание. Поселилась в сердце тяга к перемене мест. Теперь уж она отпуск тратила на туристические

Татьяна Тарасова

поездки в Париж, в Египет, в Черногорию, посещала выставки, концерты, привозила домой альбомы, фотографии и картины, купленные за гроши у уличных художников. Однако как оставить родную провинцию? Рос сверхактивный сын, кое-что изменилось и в личной жизни. Второй муж, брутальный с чужаками, но трогательно-нежный к Татьяне, был из «афганцев». Офицер разведки, терпящий сослуживцев в окрестностях Кандагара, вернувшийся на Родину с расшатанными нервами, больным сердцем и смешной пенсией. Вынужденный, в соответствии с постоянно ухудшавшимся здоровьем, менять одну профессию на другую: дальнотбойщика, военрука, охранника. И так вплоть до того, когда уже совсем стало невмоготу. Зато карьера детского врача сделала новый виток. Татьяну пригласили заместителем начальника областного управления здравоохранения. Чиновники первые шаги новичка саботировали, но, почувствовав крепкую хватку, работоспособность и быстрый ум, взвалили то,

чем сами плохо владели: цифровую модернизацию (разобраться помог ей сын, ставший программистом), интеграцию в федеральные медицинские проекты на предмет поступлений в Орловскую область межбюджетных трансфертов. Сколько «невидимых миру слёз», сколько упрямства и воли («если не пускают в дверь, лезть в окно») пришлось продемонстрировать в кабинетах Минздрава и федеральных агентств Татьяне! В результате бесконечных командировок, ночных бдений за перевёрсткой «челобитных», стала Тарасова в коридорах столичной власти почти своей. «Давайте пропустим эту одержимую «орлицу», — махали руками представители других делегаций, сторонясь орловской выбивальщицы денег из федеральной казны. Как пригодились в разгар пандемии современные электронные системы, рентгеновские аппараты и томографы, добытые стараниями бывшей чиновницы областного масштаба былинной эпохи, когда губернаторы прислушивались к подчинённым! Незаметно за этими заботами истощилось здоровье мужа. Случился инсульт, и ни профессиональные связи, ни лучшие неврологи Орла его не спасли.

Однажды во время очередного вояжа в Москву, уже после смерти супруга, Татьяна, словно загнипнотизированная, зашла в магазин, где продавались принадлежности для живописи, купила набор масляных красок и маленький холст... Было ли

это своеобразным психологическим или мистическим актом, но с той поры начинается история её «второго я», в качестве доморощенной и отчаянной художницы. Первая работа, никто её не учил ни лессировке, ни композиции: фигура женщины уходящей в глубокую синюю тьму, как бы сама собой получилась из воздуха. Эта синяя, засасывающая мгла извивающимися струями охватывала хрупкий стан, оставляя впечатление жути и, видимо, душевного состояния автора. Со временем колорит её картин прояснился. В светлых залах областного музея изобразительных искусств нашла себе Татьяна и добровольную наставницу, общительную и искушённую в живописи девушку-искусствоведа. Та посоветовала бесплатные и платные вебинары по технике рисования, расплодившиеся в Интернете. Не всякий вылушит рациональное зерно из сумбурных штудий, но Татьяне они пошли впрок. И вот уже можно лицезреть загадочные пастели с чайником и фруктами на будто бархатном наждачном листе или гравюру с Эйфелевой башней, нацарапанную специальным резцом на металлизированной бумаге. Когда открылась очередная столичная выставка-блокбастер работ Айвазовского, наша самопроизвольная художница оказалась в Третьяковке и надолго зависла возле картин мастера, пытаюсь разгадать секрет кипящей и переливающейся водной стихии. Вглядывалась до тех пор, пока забеспокоившаяся смотри-

тельница зала не подошла спросить: всё ли в порядке? На память об Айвазовском теперь на даче Татьяны висит её картина, где пенящиеся и многоструйные волны бьются об утёс. Пусть это не «Девятый вал», но ведь «академиев» она не кончала, а кое-что просто подсмотрела у мастера. «Служенье муз не терпит суеты» — в тишине дачи, долгую позднюю осень и раннюю зиму после аварии провела в специальном корсете, в нём не произведёшь физических усилий, но можно взять в руки кисть и писать, Татьяна пережила личный Ренессанс. Всё вдруг стало удаваться, словно не было мучительных проб и ошибок: как написать ветер, несущий облако, как придать воздушность вуали, как изобразить тяжесть гардин или хрупкость вазы. Картины пошли одна за другой. И удивлённые подруги, навещая её, перестали приносить апельсины и свежие сплетни, а стали доставлять краски и чистые холсты. Одной из творческих находок дачной затворницы оказались большие медальоны, в их овал уместно вписывалось поэтическое одиночество пейзажей с Бог весть откуда взявшейся китайской манерой «гор и вод». А в других медальонах, словно выхваченные кругом света, танцевали лёгкие балерины...

Как несносны «непризнанные гении», словно с писаной торбой носящиеся с хрупким даром. А вот увлечённые люди, вроде Татьяны, разбрасываются своими силами и не ценят того, что им дано. Недавно док-

«Тишина»

«Опускается туман»

«Однажды...»

тор Тарасова опять ввязалась в большую драку. В областном доме ребёнка, где на гособеспечении содержатся дети до четырёх лет, на фоне ковида вспыхнул кадровый скандал, и ей предложили навести порядок, вступив в должность главного врача. Проблем оказалось больше, чем ожидалось. Однако среди первых распоряжений нового руководства было и такое: перекрасить, наконец, в яркие цвета тёмный сиротский забор «богоугодного» заведения. Когда малышню вывели на прогулку, и вместо привычной картины они увидели это обыкновенное чудо то в восхищении выдохнули: «Ах!»

...Ну а теперь, после этого в меру лирического «байопика», позвольте несколько слов от автора. Был я мотал, заочником мотался в Москву в Литинститут, а в Орле меня, так сказать, эстетически опекал один замечательный поэт — Николай Петровский, из тех, про кого толстые журналы когда-то писали «провинциальный гений», а нынче — напрочь забыли. Вот он-то, под ироническую присказку: «Любите живопись, поэты» и ввёл меня в тесный круг местных живописцев. Были они тоже молодцы, полны ажитации, творческого голода и приверженности к богомному гостеприимству в своих мастерских на мансардном этаже хмурого

здания. К моим хилым талантам владение карандашом и кистью не относилось, и я не то, чтобы комплексовал, но с преклонением взирал на новых приятелей, не отрывавшихся от мольбертов, какие бы события в душном мире «фарисеев и филистеров» не происходили. Так что, если я и завидовал, то безмерному трудолюбию этих художников, но, конечно, понимал: чтобы точными бросками кисти и хищным глазомером на сером холсте создавать нечто трепещущее и полное новизны жизни, надо учиться, учиться и учиться, как завещал один известный товарищ... Сначала художественное училище, худграф в институте и даже Суриковское или Репинка под присмотром академиков и великих мастеров, а затем уж членство в СХ, козни и выпрашивание путёвок на «Академическую дачу», а там пленэр, персональные выставки и звание «заслуженного». Все бы так, да вот недавно меня, уже «жёлто-серого, полуседого и всезнающего как змея», изумило это ментальное происшествие с доктором Тарасовой, с её второй натурой «самостийного живописца». И призадумался я над проблемой Моцарта и Сальери, над феноменом «гуляки праздного», всё хватающего на лету, и позицией серьёзного ремесленника, алгеброй пытающего гармонию...

①

③

②

④

1 «Вдохновение» 2 «Деревенька моя» 3 «У реки» 4 «Танец»

5

6

8

7

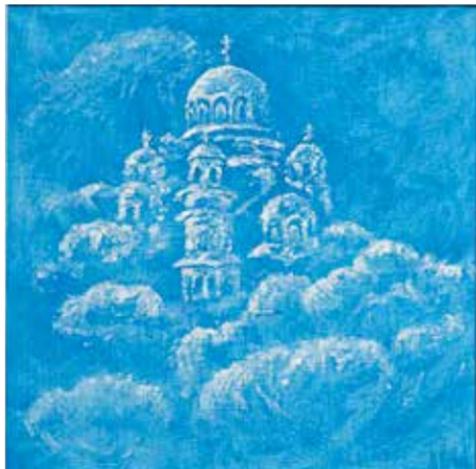

5 «Горные вершины» 6 «В гримерке»

7 «Темная ночь» 8 «Итог»

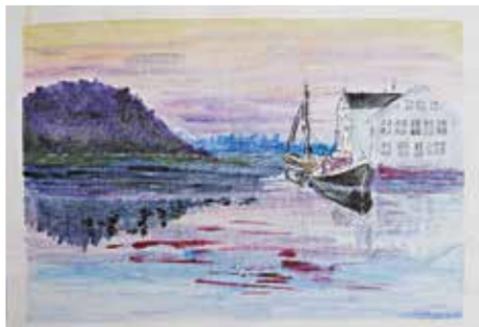
9

10

11

12

13

9 «У бабушки» 10 «Небеса»

11 «Осень» 12 «Вечерет»

13 «Карнавал»